

РУССКИЕ И КИТАЙЦЫ: ЭТНОМИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ*

Этнокультурное и социохозяйственное взаимодействие россиян и китайцев на дальневосточных территориях, их деятельность уже сами по себе вызывают интерес, который позволяет проследить историю заселения китайскими мигрантами юга Дальнего Востока и их проживания, даёт возможность выработать оптимальную стратегию отношений России с ближайшим соседом как на государственном уровне, так и во взаимодействии местного населения на трансграничных территориях, учитывая опыт прошедших лет и реалий сегодняшнего дня.

Монография А.П. Забияко, Р.А. Кобызова и Л.А. Понкратовой** позволяет понять уровень этномиграционного и этнокультурного взаимодействия и взаимовосприятия русских и китайцев на дальневосточных трансграничных территориях РФ и КНР на основе обобщения эмпирических данных опросов китайцев и русских, проведённых на российской территории Дальнего Востока, а также религиозную восприимчивость китайцев к верованиям россиян и процессы аккумуляции и ассимиляции китайцев в русской среде.

Монография состоит из трёх частей, в каждой имеются главы, содержащие основные аспекты и особенности истории этномиграционных процессов на протяжении последних 150 лет на смежных территориях Дальнего Востока. В первой части, на наш взгляд, наиболее информативно и научно насыщенной, сделан исторический экскурс: показаны особенности начального этапа миграции китайцев на территорию современного Дальнего Востока России, определённого авторами концом XVII в., однако в целом, отмечено в книге, китайское присутствие в то время было незначительным (с. 36). Увеличение численности китайцев происходит с середины XIX в., после подписания Айгуньского, Тяньцзиньского и Пекинского договоров. В конце XIX в. усиление позиций России на Дальнем Востоке рассматривалось российским правительством в контексте решения задач по обеспечению экономической и военной безопасности страны, что стимулировало широкий интерес

* Материал подготовлен при поддержке грантов: РГНФ, проект № 09-III-A-11-556 по теме «Внешние факторы формирования новой политики России в СВА за последние 150 лет» (рук. В.Л. Ларин); ДВО РАН, проект № 09-II-CO11-0011 по теме «Миграционные процессы в азиатской России» (рук. А.С. Вашук).

** Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / под. ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.

финансово-промышленных кругов к вложению средств в перспективные отрасли и территории. Открывшиеся инвестиционные возможности, приносившие высокие прибыли, вывоз сырьевых ресурсов из осваиваемых земель позитивно отразились на развитии российского Дальнего Востока и сопредельной с ними Маньчжурии. Грандиозное железнодорожное и военное строительство привлекло в регион русский бизнес, способствовало процессу широкой колонизации свободных земель. Повышение китайской миграционной активности напрямую связано с перспективами развития Дальнего Востока, потребностью в рабочей силе, возможностью заработка. Как отмечается в монографии, в первое десятилетие XX в. только официальная численность китайцев составляла не менее 8% (1914 г.) и достигала в определённый период 13% от всего населения Дальнего Востока России. Реальная цифра по разным данным была выше в 1,5—2 раза (с. 38).

Миграция китайцев — значительное явление социально-экономической и этнокультурной жизни Дальнего Востока России второй половины XIX — первой трети XX в. Статистика этого периода высвечивает основные черты этносоциального портрета китайцев в регионе: преобладание мужчин трудоспособного возраста, занятых преимущественно на временных низкооплачиваемых работах; интегрированность в сообщества; сохранение подданства Китая. В ходе миграции в этнической структуре края китайцы занимали второе место, уступая по численности только русским (с. 42).

В 4-й главе «Трансграничная миграция в контактной зоне России и КНР» первой части монографии детально рассматриваются этапы трансграничной миграции между Россией и Китаем в конце XX — начале XXI в. Анализируя законодательные акты (соглашения, законы, указы, постановления и т.п.), инструменты регулирования, а также реакцию российских и китайских мигрантов на возникающие изменения, авторы выделяют шесть основных этапов трансграничной миграции:

Первый (1988—1990 гг.) — «открытие»: ограниченный миграционный обмен, названный начальным этапом его становления как с российской, так и с китайской стороны.

Второй (1991—1993 гг.) — «эйфория»: динамичный миграционный обмен характеризуется высокими темпами роста миграционных потоков с обеих стран, чему способствовало принятие ряда документов, направленных на либерализацию в сфере ВЭД.

Третий (1994—1998 гг.) — «наведение порядка»: стабилизация динамики в миграционном обмене с преобладанием российского вектора: активные действия федеральных и местных властей по направлению миграционных потоков в законное русло из-за большого наплыва и практически бесконтрольного пребывания китайцев на российской территории, а также попыток российской стороны ограничить «челночную торговлю».

Четвёртый (1999—2003 гг.) — «меняющиеся правила игры», выравнивание российско-китайского обмена и трансформация в структуре потоков — первоначальное повышение динамики миграционных потоков, вы-

званное девальвацией рубля и инфляцией, усиление регулирующей роли государства в сфере туризма и трудового обмена.

Пятый (2004—2008 гг.) — «притяжение — выталкивание», т.е. асимметричная динамика миграционного обмена: преобладание в трансграничных миграциях россиян при стабилизации потока китайцев (барьерные функции границы для россиян снижены, а возможности для отдыха и решения деловых проблем в Китае расширены).

Шестой (с 2009 г.) — «балансировка», наметившаяся тенденция к выравниванию миграционных потоков. Авторы монографии считают, что началом нового этапа в трансграничных обменах между Россией и КНР стал 2009 год. Определяющими в этот период в структуре потоков, по их мнению, стали туристские поездки.

В заключении этой главы отмечаются проблемы, возникающие при миграции китайцев в пределы российских территорий: незаконное использование рабочей силы, нелегальная занятость, коррупция чиновников и пограничных служб, криминал и др., а также констатируется, что поступательное развитие дальневосточного региона при явно выраженной сырьевой специализации невозможно без дополнительного привлечения трудовых ресурсов, прежде всего китайцев. Усиление демографического и трудового дисбаланса по обе стороны российско-китайской границы (численность населения Дальнего Востока России, в том числе трудоспособного, сокращается, а Северо-Восточного Китая растёт) будет определять «выталкивающий характер миграционных процессов в Китае» (с. 89). В этих условиях проведение внешнеэкономической политики КНР, «...направленной на поощрение экспорта рабочей силы, будет оказывать давление в первую очередь на приграничные территории». Вывод, на наш взгляд, совершенно справедливый: «...важно определить стратегию регионального развития на прогнозируемую перспективу и в соответствии с ней строить государственную миграционную политику, учитывая региональную составляющую» (там же).

Вызывает интерес 6-я глава первой части монографии «Современные модели межэтнического взаимодействия русских и китайцев», в которой исследуются проблемы китайского присутствия на российской территории: статистические данные, структура занятости, брак и барьер эндогамности русских по отношению к китайцам и наоборот, межличностные и этнические взаимоотношения, маргинализация этносов и культур, определение этнокультурной идентичности и др. Авторы предлагают создание «буферных зон» — контактных зон, в пределах которых происходит контролируемое государством и обществом взаимовыгодное и взаимодополняющее сосуществование цивилизаций. В перспективе должна сформироваться открытая модель межэтнических взаимоотношений, при реализации которой «...должен сопутствовать процесс укрепления русского этнического самосознания и культурно-образовательного потенциала русских, который позволит, избегая ксенофобии, создать благоприятный для развития взаимовыгодных

отношений идейно-психологический климат и сохранить этнокультурную идентичность основного населения» (с. 114).

Часть 2-я книги посвящена этнокультурным и этносоциальным аспектам в процессе межэтнических отношений, в частности, отношениям «русский — китаец». Особое место уделяется исследованию таких аспектов, как «образ Китая и китайцев в сознании русских» и «образ России и россиян в сознании китайцев», суммируются основные результаты социологических опросов русского населения Дальнего Востока и мигрантов-китайцев. Для реконструкции категорий этнической идентификации и дифференциации («свой — чужой») респондентам в анкетном опросе были заданы соответствующие вопросы, по результатам которых сделаны выводы об этнодифференцирующих чертах образа китайца и русского, что явилось отражением объективной реальности современных взаимоотношений двух этносов и стран. Авторы вполне справедливо заключают, что «общественное мнение очень чувствительно к ситуативным изменениям и незамедлительно реагирует на их колебания, включает в свой арсенал новые идеологемы, межэтнические клише и фобии» (с. 153). Можно согласиться с их мнением, что сравнительный анализ этнического сознания русских и китайцев демонстрирует близость многих этнических характеристик, которые акцентированы в сознании соседних народов. Это свидетельствует о том, что в регионе между двумя этническими группами достигнута согласованность восприятий «своего» и «чужого» (с. 164).

В монографии отмечен важный аспект, характеризующий этническое поведение русских и китайцев, — религиозная восприимчивость (конвергентность) (с. 112). Специфика религиозности двух стран в ситуации миграционной активности, степень восприимчивости этносов к религиозным традициям друг друга, роль и место религии в этническом самосознании являются объектом исследования 3-й части монографии. Выводы, основанные на репрезентативных социологических исследованиях русского и китайского этносов на смежных территориях двух стран, свидетельствуют о слабом восприятии религии как фактора русско-китайских отношений. Религия не занимает ведущих позиций и сдвинута на периферийные, слабо тестируемые позиции (с. 210). Кроме того, данные опросов фиксируют существование стабильной, толерантно настроенной части китайского общества к русским и их религии (с. 239).

Материалы социологических опросов, изложенные в 14 Приложениях монографии, дополняют объективность изложенных фактов и опросов, придавая им научную достоверность, повышают информационную ценность исследования. Коллективный труд дальневосточных учёных-востоковедов представляет несомненный интерес для историков, политологов, этнографов и всех, кому не безразлична судьба дальневосточных территорий и дружба с соседом — Китаем.